

**В.С. Калмыков**

## «Окопная» правда Первой мировой войны

Статья посвящена взгляду на историю Первой мировой войны рядовых солдат и офицеров русской императорской армии. В ней рассматриваются их подвиги и боевое товарищество, отношение к противнику и к своему воинскому долгу.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, русская императорская армия, мемуары солдат Первой мировой войны.

Первая мировая война 1914–1918 гг. оказалась роковой для трех империй Европы, изменила соотношение сил в мире и оказала влияние на политическое будущее России. Россия, участвовавшая в войне на стороне Антанты, не смогла воспользоваться плодами победы. Ее армия оказалась дезорганизована, монархия пала, а сама страна погрузилась в пучину Гражданской войны. Историю Первой мировой войны в Советском Союзе рассматривали однобоко, только через призму идеологии или с точки зрения военного искусства. Однако в 1914–1917 гг. в русскую армию было призвано около 16 млн жителей Российской империи [2, с. 6]. Множество солдат и офицеров принимали участие в боевых действиях, совершали подвиги, получали боевые награды и теряли своих боевых товарищей. Но в советской историографии эта часть войны практически не рассматривалась. Почему это произошло? Скорее всего, из-за того, что «герои Великой войны сражались и умирали, как выяснилось, “не за те идеалы”» [Там же, с. 7].

Также не следует забывать, что многие участники Первой мировой войны оказались по разные стороны баррикад в войне Гражданской и основная мемуарная литература, особенно воспоминания простых офицеров, была написана в эмиграции. Этот огромный пласт исторического материала, позволяющий увидеть войну глазами рядового солдата или офицера, был практически неизвестен в нашей стране. Конечно, их взгляд в чем-то пристрастен и субъективен, но в дополнение к нему существуют боевые донесения с полей сражений, дающие более объективную картину событий.

Вступив в Первую мировую войну, Российская империя и ее армия столкнулись с такими противниками, как Германская и Австро-Венгерская империи и их армии. Что представляли собой армии противоборствующих сторон? Следует отметить, что русская армия обладала реаль-

ным боевым опытом, приобретенным в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. Армии Германии и Австро-Венгрии не имели этого опыта. Историки отмечают, что по уровню боевой подготовки и технической оснащенности на первом месте стояла германская армия. Сильной стороной немецкой военной машины была железная дисциплина и наличие в дивизиях тяжелой гаубичной артиллерии. «Однако идеализировать качества германской армии тоже нельзя. Свои минусы были и у нее, причем серьезные. Обороне отводилось недостаточно внимания. А при наступлении предусматривались атаки в полный рост без применения к местности, причем густыми цепями» [13, с. 116]. Знаменитая тактика немецких штурмовых отрядов пехоты, которая оказалась новаторской и эффективной, окончательно сформировалась только к 1918 г., вобрав в себя кровавый опыт Вердена и Соммы. Поэтому первоначальная тактика немецкой пехоты была отсталой и неэффективной. Это проявилось уже во время штурма г. Льежа. Бельгийский офицер вспоминал о наступлении германской пехоты: «Они даже не старались рассредоточиться. Они шли плотными рядами, почти плечом к плечу, пока мы не валили их на землю. Они падали друг на друга, образуя страшную баррикаду из убитых и раненых. А на место погибших командование гнало новых и новых» [Там же, с. 140]. Таким образом, мы видим, что обвинять только русскую армию в бессмысленных атаках на вражеские пулеметы не совсем корректно.

Об оснащении и организации русской армии написано много военно-исторических трудов. Но гораздо интереснее повседневная жизнь солдат и офицеров, их отношение к войне и русской армии. По воспоминаниям офицера лейб-гвардии Егерского полка, «в мирное время у нас в полку был прекрасный подбор молодых солдат. Это были, главным образом, уроженцы черноземной полосы России, все они были высокого роста, красивые, чернобровые и с несколько плутовской физиономией. Вспоминая нашу казарменную жизнь, могу сказать с уверенностью, что за все мое краткое пребывание в полку в мирное время (1911–1914 гг.), в роте не было ни одной кражи, ни драки, ни пьянства, ни даже ругани» [6, с. 27].

Необходимо отметить, что качество личного состава в русской армии и, особенно, в гвардейских полках было высоким. Но и призванные из запаса солдаты после обучения вполне отвечали всем требованиям военного времени. Вот что писал командир батареи Б.В. Веверн: «Итак, личный состав 6-я батарея почти полностью получила из запаса Армии. Отличнейший личный состав: из лесов Муромских, Костромских, “Керженецких” лесов, с Волги, Шексны... оттуда, где слагались песни былинные богатырские... Почти половина из них (солдат. – *В.К.*) придерживалась “древнего благочиния” (т.е. были староверами. – *В.К.*), и старых,

веками созданных обычаев, степенных, крепких, как сами степенны и крепки были телом и духом и сами эти люди» [3].

Следует иметь в виду, что мобилизованные из запаса первой очереди были хорошими солдатами и в руках умелого и знающего командира представляли собой крепко сколоченную воинскую часть. Также был важен высокий моральный дух подразделения. Как вспоминал Веверн, «...как-то так уж вышло само собой, что вторая половина солдат батареи, как бы подавленная нравственным превосходством этих староверов, подчинилась почти во всем их жизненному укладу и слилась с ними в одну крепкую, дружную семью» [Там же].

Пока в русской армии оставался костяк из кадровых офицеров, унтер-офицеров и солдат, ее полки сохраняли боевую и моральную устойчивость на поле боя. В начале войны солдаты и офицеры не испытывали к врагу озлобления и сильной ненависти. Это видно по их отношению к первым, встреченным по пути на фронт, пленным. «На следующей остановке видим пленных. Это австрийцы-поляки (т.е. уроженцы австрийской части Польши. – В.К.). Между ними германский кавалерист. Пленных сейчас же обступают солдаты, суют им колбасу, хлеб, папиросы. Австрийцы, видимо, чувствуют себя неплохо и охотно вступают в разговор. Больше всего нас интересует их военная, невиданная еще нами форма, хотя мы сейчас же разочаровываемся: форма непрактична и некрасива» [Там же].

Судя по свидетельствам современников, австро-венгерская армия не производила на русских впечатления сильного противника. Совсем другое впечатление на них произвел разговор с пленным немцем: «Через минуты две, на ходу застегивая пуговицы мундира, легким прыжком на платформу вскочил молодой германец, и, увидев офицеров, вытянулся в струнку.

– Ты как попал в плен?

– Взят во время фуражировки вашими казаками. Подо мной убили лошадь.

– А Императора своего любишь?

Тут немец не выдержал: он поднял к небу глаза, и с каким-то особенным восторженным чувством произнес:

– О, Кайзер» [Там же].

Несомненно, что германская армия с ее дисциплинированными и стойкими солдатами, отлично обученными офицерами, прекрасно оснащенная технически, была самым сильным и опасным противником русской армии.

Первые боевые действия продемонстрировали хорошую тактическую подготовку русских солдат и офицеров, а также их героизм и храбрость.

Примером этого может служить кавалерийский бой 8 августа 1914 г. между русской и австрийской кавалерией у д. Ярославце. В этом сражении с русской стороны участвовал 10-й гусарский Ингерманландский полк, что отражено в его полковой истории [11]. В бою у Ярославце «Ингерманландские гусары сыграли решающую роль. Два эскадрона гусар шли на уступ, слева боевого порядка дивизии; в момент шока (т.е. кавалерийской атаки с саблями наголо. – В.К.) фронтовых эскадронов, гусарские эскадроны, развернув на полевым галопе фронт, зашли по-эскадронно (так в тексте. – В.К.) левым флангом вперед и ударили правым эскадронном во фланг первой линии (австрийцев), а левым во фланг и тыл второй линии австрийцев. Во время преследования гусары, находясь на левом фланге... стали удобной мишенью для артиллерии (8 орудий). Тогда, по команде и знаку командира полка “на батарею”, ближайшие, услышавшие его команду, шт[аб]-ротм[истр] Ряснянский и группа гусар (всего около 30 человек), бросились на продолжавшую стрельбу батарею и после жестокой рукопашной схватки с прислугой овладели орудиями» [Там же, с. 185–186]. Эта атака демонстрирует тактическую выучку русской кавалерии, храбрость ее солдат и офицеров и полное превосходство над австрийцами. Также в данном бою произошел эпизод, более характерный для эпохи наполеоновских войн, чем для сражений Первой мировой. «Вахмистр 1-го эскадрона Балашов, увидя, что несколько гусар бросились к упавшему с коня раненому австрийскому майору, чтобы его приколоть, не допустил этого, а, соскочив с коня, перевязал раненого майора своим индивидуальным пакетом» [Там же, с. 186]. Увы, в ходе дальнейших боевых действий рыцарское поведение было забыто, и война приобрела жестокий и бескомпромиссный характер. Тем более примечателен этот случай, свидетельствующий о высоком моральном духе русских солдат.

Однако в русской армии были и недостатки, особенно в умении управлять войсками. Как пишет Веверн, «недели через две к нам присоединились уже сильно потрепанные в боях полки нашей дивизии. Солдаты рассказывали о страшной неразберихе, царившей в наших войсках; ни определенных твердых приказаний, ни общей цели, ни должной связи между частями» [3].

Интересен взгляд простых офицеров на начало войны и ее причины. Как писал офицер 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка К. Попов, «отправляясь на войну в [19]14 году, все офицеры мечтали о том счастливом дне, когда кончится для нас победоносная война, и заранее завидовали тому счастливцу, который будет свидетелем этого дня» [10]. Несомненно, что будущая война представлялась основной массе офицерства русской армии быстрой и победоносной. Это говорит о том, что синдром

поражения в русско-японской войне был практически преодолен. Что касается рядовых гренадеров Эриванского полка, то, по свидетельству Попова, они собирались на войну достаточно равнодушно [10]. Солдаты и унтер-офицеры кадрового состава воспринимали отставку на войну как исполнение своего воинского долга. Рядовые неграмотные солдаты, призванные из запаса, не всегда знали, с кем именно им предстоит воевать. По свидетельству писателя Л.Д. Любимова, «...в начале первой мировой войны, возвращаясь из-за границы, под свежим впечатлением парижских манифестаций с криками: “В Берлин! В Берлин!”», я был поражен словами деревенского парня, встреченного чуть ли не на первой русской станции. Отправляясь на фронт, он заявил уверенно и прямодушно:

– Ну что ж, война так война, – значит, снова пойдем бить французов!

Когда я стал ему объяснять, что война не против французов, он к моим словам не проявил никакого интереса: очевидно “немцы” и “французы” были для него понятиями настолько туманными, что рассуждать о них казалось ему не под силу» [8, с. 42–43].

Следует отметить тот факт, что война началась неожиданно даже для офицеров. «Объявление о мобилизации застало меня на границе с Персией. В то время я был младшим офицером команды разведчиков нашего полка. В памятный день 17 июля 1914 года часов в 6 вечера... получена телефонограмма о всеобщей мобилизации в России, что будет война с Австрией и одновременно со всем Тройственным союзом... такая развязка “Сараевского узла” явилась полным сюрпризом», – писал Попов [10]. Из этого сообщения видно, что убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. не рассматривалось в среде армейского офицерства как серьезный повод к войне. Все ждали дипломатического урегулирования этого инцидента. Однако после объявления о мобилизации армию охватил патриотический подъем. С одной стороны, как вспоминал Попов, «будучи военным по призванию, я свято чтил героизм во всех его проявлениях, а в деле ограждения дорогой Родины от грозившей опасности, считал за счастье... быть в рядах ее защитников» [Там же]. С другой стороны, почти все офицеры и генералы русской армии считали, что война будет быстрой и победоносной. Поскольку «...всем хорошо было вдолблено нашими военными авторитетами, что современная война должна быть молниеносной и решительной по своим результатам» [Там же]. Для рядовых солдат война также началась неожиданно. Как вспоминал В.У. Сахарчук, «война застала меня в 165-пехотном полку в музыкантской команде... Это лето [1914 г.] мы стояли лагерем в Святошино. В день объявления войны была назначена церемония с зóрей (военный сигнал, торжественно подаваемый

в определенное время. — В.К.)... И вот вместо зóри нам сообщили, что Германия объявила России войну. Послышались крики “ура”, полетели в воздух фуражки, заиграли оркестры... Нам казалось, что война — это легкая прогулка, что немцы будут разбиты в первом же бою» [12].

Винить в этих настроениях русских солдат и офицеров не стоит, поскольку все страны не были готовы к тяжелой войне, а готовились к быстрой и победоносной. Все российское общество было охвачено шапкозакидательскими настроениями. О том, что война будет быстрой и легкой, «думали не только солдаты, но, пожалуй, и, все население, охваченное угаром шовинизма» [Там же]. В психологическом плане армию и общество совершенно не готовили к затяжной войне, что является крупнейшей ошибкой верховной власти Российской империи. Иллюзии о скорой победе стали исчезать в 1915 г., когда закончился этап маневренной войны и армии оказались в позиционном тупике. Этот момент также отражен в мемуарах русских офицеров. «Я до сих пор не могу понять, как можно взять позицию, обнесенную проволочными заграждениями, защищаемую не деморализованными частями противника, обладающего превосходной артиллерией, снабженной неограниченным количеством снарядов», — писал Попов [Там же]. Именно в 1915 г. русская армия потеряла в тяжелых боях основные кадры солдат и офицеров. Например, в сражении под Праснышем зимой 1915 г. лейб-гренадерский Эриванский полк вел наступление «по местности совершенно открытой, с подъемом в сторону немецких окопов, земля была мерзлая и цепи, залегая от невыносимого огня, не могли окопаться и поголовно расстреливались. Потери в эти дни были колоссальными» [10]. Большие потери и тяжелые бои стали оказывать негативное влияние на настроение солдат. Сахарчук вспоминал: ему уже в запасном полку стало ясно, что «нас готовили на убой. Об этом откровенно говорили втихомолку наиболее культурные солдаты из числа вольноопределяющихся. Да в этом и не было никакого секрета. Шла война, гибли люди, нужно было пополнение» [12]. Солдатам никто не объяснял, ради чего они должны воевать и жертвовать своей жизнью. Конечно, такие понятия, как присяга и воинский долг до определенного момента обеспечивали боевую и моральную устойчивость, но они не могли совершить чуда.

Однако не стоит считать, что в русской армии исключительно все было плохо. Она, например, одной из первых стала использовать на фронте бронемашину для поддержки пехоты. Как свидетельствуют документы, 1-я автомобильная пулеметная рота была сформирована уже 8 сентября 1914 г. 19 октября она отправилась на фронт, где сразу показала высокую эффективность. Из боевых донесений следует, что «во время

боев 9 и 10 ноября 1914 года в составе Ловичского отряда шесть пулеметных машин роты прорвались через занятый неприятелем город Стрыков, а два пушечных поддерживали огнем наступление 9-го и 12-го Туркестанских стрелковых полков. Немцы, попав между двух огней, были выбиты из города, понеся очень крупные потери» [1, с. 20]. Можно отметить, что в этом бою русские части действовали тактически грамотно, используя броневые автомобили для поддержки пехоты, и это принесло им полный успех.

К сожалению, русская промышленность не могла обеспечить массовый выпуск бронемашин, но это был просчет стратегического планирования. Особенностью броневых частей являлся добровольный принцип комплектования личным составом, поэтому в них был высок процент кадровых солдат и унтер-офицеров, т.е. элиты армии. Это автоматически делало их ударными частями, используемыми в качестве «пожарной команды» на самых опасных участках фронта. Примером могут служить уже упоминавшиеся бои под Праснышем. «В ночь с 12 на 13 февраля 1915 года, в один день, перекинувшись из Старожей через Пултуск под Прасныш, пройдя маршем 120 верст, отряд 1-ой автопулеметной роты из 4 пулеметных и одного пушечного автомобиля ворвался на укрепленную позицию немцев у с. Добржаново. Потеряв три машины со всею прислугою, расстрелянными с 30-[т]и шагов, занял два моста, отрезав путь отступления немцев» [Там же, с. 52]. Из этого донесения видно стремление русского командования применять широкий маневр подвижными частями, что в дальнейшем было широко использовано уже во Второй мировой войне.

В мемуарах русских офицеров отмечаются примеры боевого товарищества и героизма, проявленных на поле боя. Вот что писал штабс-капитан Попов: «Когда я поравнялся с землянками запасного батальона... дневальный, старый солдат, что-то передал, и из землянок просунулось несколько голов в папах, а затем повысыпала куча grenader. Тут же ко мне подошел стройный худошавый grenader: “Здравия желаю, Ваше благородие, – проговорил он, – Вы меня, наверное, не помните. Я – Дмитрий Косов”. “Ваше благородие, это тот самый Косов, которого Вы вынесли на руках в бою 19-го мая под Загородами”». Далее из описания следует, что во время боя grenader Косов «был сражен пулей, попавшей ему в грудь у самого сердца». Увидев это, писал штабс-капитан, «не будучи занят рытьем окопа, я дополз до Косова, взял его на руки, и быстро добежав до нашего окопа, передал его grenaderам» [10]. Этот эпизод показывает отношение братства, что существовали в полках русской армии.

Примеры героизма и боевого духа отражены и в официальных документах, например, в описании боевых действий 61-го пехотного Вла-

димирского полка в июне 1916 г., во время Луцкого прорыва. Захватив австрийский редут и отбив многочисленные контратаки противника, «не имея почти патронов, но будучи бодры духом, офицеры и солдаты решили не сдавать доставшегося дорогой ценой редута, надеясь еще на штыки» [5, с. 345]. Они сумели отразить еще шесть контратак австрийцев, причем шестая «была отбита всеми оставшимися в ротах людьми... Видя, что поднос патронов сквозь огневую завесу невозможен, капитан Николаев приказал всем броситься в штыки на наступающих австрийцев... Австрийцы, не ожидавшие такого маневра, бросились назад, а часть их первой цепи побросала винтовки и сдалась» [Там же].

Но затяжная война и большие потери, а, главное, отсутствие понятной для солдат цели войны, привели к тому, что в их среде все чаще стали звучать разговоры о мире. Например, после падения австрийской крепости Перемышль «гренадеры восторженно кричали “Ура”, когда я сообщил им эту новость... “Ну теперь, скоро будет мир”, – решили они» [10]. По солдатским представлениям, они честно выполняли свой воинский долг, но после понесенных поражений противник почему-то не сдавался и тяжелая война продолжалась. Уже в 1916 г. солдаты спрашивали своих офицеров: «“Ну, как, ничего не слышно, Ваше Благородие, скоро будет замирение”, ... и глаза их пытливо всматривались в меня. “Какое же может быть замирение, – отвечал я, – когда немец вишь куда забрался, десять губерний у нас занял”. И не будет конца краю, кажись, этой войне, говорили гренадеры, только народ гибнет напрасно» [Там же].

Жизнь в окопах была жестокой и суровой. Как отмечал участник войны, «окопы делают солдата зверем; гуманизм уходит на задний план. Ты не убьешь, тебя убьют» [12]. Люди черствели и привыкали к смерти. «Привезут ночью обед, наложат в котелок каши, и уплетаешь кашу за мое почтение, хотя рядом валяются убитые» [Там же]. Постепенно у солдат возникали мысли о ненужности войны и непонятности ее целей. К сожалению, никто в русской армии не занимался разъяснением нижним чинам целей войны. Вся пропагандистская работа ложилась на плечи полкового священника и велась также, как в 1812 г. «Наш поп служит обедню и молит бога о ниспослании победы русскому оружию. Такие же молитвы шлют богу немцы, французы, англичане – все те, кто воюет, – говорит вольноопределяющийся Вейс, – и бог знает, кого послушать» [Там же]. Но для разъяснения солдатам причин войны и, главное, необходимости ее продолжения было явно недостаточно полкового священника, который не мог конкурировать с активной социалистической пропагандой. Именно ощущение напрасности всех жертв и непонимание конечной цели войны привели к тому, что после Февральской революции 1917 г. и отре-

чения императора Николая II от власти, солдаты русской армии оказались очень восприимчивы к пропаганде большевистской идеи «мира без аннексий и контрибуций». К октябрю 1917 г. в солдатской среде можно было услышать такие разговоры:

«— Будем делить землю, надо ехать домой.

— Зачем началась эта война?

— Начали войну буржуазные правительства. Они хотели завладеть другими странами и натравили рабочих друг на друга» [7, с. 168, 170].

С точки зрения рядового солдата война перестала иметь цель и стала совершенно ненужной для него лично. Однако это произошло только после трех лет кровавых боев, многочисленных одержанных побед, горьких поражений и героических подвигов. Кадровые офицеры русской армии не могли ничего противопоставить таким настроениям, поскольку они никогда не занимались политикой. Немцы уже не воспринимались как враги, а считались такими же пострадавшими и усталыми от войны простыми солдатами. Патриотические чувства, которые охватили армию и общество в 1914 г., уже прошли, а воевать за спасение сербов было слишком отвлеченной идеей для простых русских мужиков.

Однако антивоенные настроения были характерны не только для русской армии. Такие же настроения поразили в 1917 г. и части французской армии. Но для французских солдат эта война была своего рода реваншем за поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Борьба шла за возвращение Эльзаса и Лотарингии, поэтому мотивация и патриотизм французов были гораздо выше, чем у солдат русской армии. Русская армия оказалась совершенно не готова к политической пропаганде и агитации, а кадровые офицеры проигрывали в политических баталиях офицерам военного времени, произведенным в прапорщики из интеллигентов или из отличившихся унтер-офицеров. Внутренние проблемы Российской империи волновали рядовых солдат куда больше, чем «война до победного конца». Заключение мира казалось им простой и решаемой задачей. Однако трагизм ситуации заключался в том, что решив «воткнуть штык в землю» и закончить эту ненужную войну, многие солдаты русской армии скоро оказались на более страшной Гражданской войне. В разложении русской армии и падении боевого духа русских солдат в первую очередь оказалась виновата верховная власть Российской империи, которая не смогла доступно объяснить рядовым солдатам целей войны и необходимость жертвовать своими жизнями.

Случались во фронтовой жизни и забавные эпизоды, отмеченные в мемуарах участников войны. Обвинение русских в повальном пьянстве стало общим местом, но этот порок был замечен и у немцев. Как вспоми-

нал знаменитый поэт-акмеист Н.С. Гумилев, во время войны служивший в уланском полку, однажды, находясь в засаде, он и его товарищи увидели следующую картину. «Они (немцы. – *В.К.*) шли густыми толпами и пели. Это была не какая-нибудь определенная песня и даже не наше дружное “ура”, а две или три ноты, чередующиеся со свирепой и угрюмой энергией. Я не сразу понял, что все поющие – мертвецы пьяны» [4].

В русской армии, среди множества солдат различных национальностей, служили и евреи. Как правило, из-за более высокой степени образования они попадали в артиллерию или на должности связистов. Служили они большей частью исправно и храбро, о чем свидетельствуют мемуары участников войны. В них, в частности, можно найти рассказ о героическом поступке связиста Шмуля Сонца. «Телефонист Шмуль Сонц вскопал в офицерский окоп:

– Ой, Ваше Благородие, – сказал он. – Они (австрийцы. – *В.К.*) взяли направление на наш окоп! Разрешите нам уйти в другое место!

– Покажи мне такое место, куда бы они не стреляли, и я сейчас же уйду туда сам, – ответил ему старший офицер штабс-капитан Курзенев, – знаешь такое место?

– Никак нет, – сознался Сонц.

– Ой, Ваше Благородие, “порвата” линия!»

По приказу офицера Сонц должен был пойти и исправить повреждения провода.

«– Ваше Благородие! Ну как же я пойду? – с полным отчаянием в голосе воскликнул Шмуль Сонц.

Шмуль Сонц исчез опять, исправил линию и, конечно, получил Георгиевский крест 4-ой степени (а впоследствии, за подобные деяния, и 3-ей степени, по которой был произведен в младшие фейрверкеры)» [9, с. 15].

С другим связистом-евреем произошел анекдотический случай. «Когда мы благополучно отступили, Пуховича среди нас не оказалось. “Сдался, каналья, в плен, как Шлёма Розентог под Краковом!”, подумали о нем. Но Пухович не имел и в мыслях намерения сдаваться: ему было жаль бросать столько провода! Он его собрал и к утру следующего дня пришел на место ночлега батареи, еле живой под тяжестью катушек с проводом. Этим он заработал себе первый Георгиевский крест и производство в бомбардиры» [Там же].

Конечно, идеализировать русскую армию не стоит, и у нее хватало недостатков. Управление войсками было часто плохим и приводило к неоправданным потерям, цели и задачи войны были непонятны рядовым солдатам, честно выполнявшим свой долг. К затяжной войне оказалась не готова промышленность Российской империи, которая с большим трудом

смогла ликвидировать «снарядный голод» к 1917 г. Эти просчеты высшего руководства были частично компенсированы мужеством и героизмом рядовых солдат и офицеров, но они не могли помочь выиграть такую тяжелую войну.

С другой стороны, война на Восточном фронте не была и для немцев и австрийцев легкой прогулкой, поэтому лучше узнать точку зрения их самих на боевые качества русской армии. Немецкий полковник Р. Франц так отзывался о русских солдатах: «20.08. (1914 г. – В.К.) впервые после полутора столетий в большом сражении встретились пруссаки и русские. Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированны, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности, и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов» [13, с. 154].

Такой оценкой, сделанной сильным и хорошо подготовленным противником, можно только гордиться. Русская армия не была «мальчиком для битья», а ее разложение в 1917 г. было следствием не военных, а политических событий.

Забвение Первой мировой войны и ее героев не принесло России большой пользы, поскольку были нарушены традиции военного обучения и воспитания солдат. Попытка создания Красной Армии с абсолютно чистого листа оказалась неудачной. В ходе Гражданской войны большевики были вынуждены отказаться от принципа добровольности и перейти к системе призыва. Также они призвали в армию бывших офицеров императорской армии, поскольку воевать с белыми на партизанский манер оказалось очень тяжело и красные части часто терпели поражения. Еще до начала Великой Отечественной войны И.В. Сталин начал обращаться к патриотическим традициям русской армии. Вышли на киноэкраны такие фильмы, как «Александр Невский» (1938 г.) и «Александр Суворов» (1940 г.). В ходе войны эта тенденция только укрепилась, поскольку пролетарский интернационализм уже не мог сплотить армию и поднять ее боевой дух. Сталин был вынужден обратиться к традициям русской армии, поскольку во время войны решалась судьба государства и народа. Введение в Красной Армии погон в 1943 г. окончательно закрепило возвращение к традициям русской армии и протянуло живую связь между участниками Первой мировой и Великой Отечественной войн.

К сожалению, Первая мировая остается до сих пор «неизвестной» войной, особенно с точки зрения ее рядовых участников. Забвение собственной истории не приводит к положительным результатам, поскольку

люди лишаются духовного стержня и памяти, что приводит к деградации общества.

#### Библиографический список

1. Барятинский М., Коломиец М. Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. М., 2000.
2. Бондаренко В. Герои Первой мировой. М., 2013.
3. Веверн Б.В. 6-я батарея 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 1. Париж, 1938 // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/library/Vevern-6th-battery-1/index.html> (дата обращения: 24.04.2013).
4. Гумилев Н.С. Записки кавалериста // Военная литература. URL: [http://militera.lib.ru/db/gumilyov\\_ns/index.html](http://militera.lib.ru/db/gumilyov_ns/index.html) (дата обращения: 24.04.2013).
5. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М., 1947.
6. Каменский В.А. Жизнь гвардейского солдата // Сержант. 2002. № 3. С. 27–30.
7. Лобанов Д., Ощепков Л. Офицеры военного времени // Рейтар. 2005. № 18–6. С. 168–187.
8. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965.
9. Милоданович В. Полевой «жид» и его коллеги // Сержант. 2001. № 1. С. 13–16.
10. Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. Белград, 1925 // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/library/CaucasusGrenadeer/index.html> (дата обращения: 24.04.2013).
11. Ряснянский С.И. Краткая история 10-го гусарского Ингерманландского полка // Рейтар. 2005. № 19–7. С. 176–205.
12. Сахарчук В.У. [Рассказ о детстве, юности и об империалистической войне] // Личный архив С.В. Сопленкова.
13. Шамбаров В. За веру, царя и отечество. М., 2003.